

Переживания Души

Евгений Цикада

18+

Евгений Цикада

Переживания души

<https://litres.ru/74356674>

SelfPub; 2026

Аннотация

Иногда, чтобы понять человека, нужно перестать судить его поступки.

Уилисс привык смотреть на людей не через призму добра и зла. За каждым поступком он пытается увидеть причину, за каждым падением — человека, который когда-то сделал свой выбор.

Среди обычных дней, случайных разговоров и людей, которые становятся друг другу ближе, постепенно возникает история о том, как легко оказаться по другую сторону собственной жизни. О любви, памяти, вине и вещах, которые человек способен унести с собой даже тогда, когда прошлое уже кажется слишком далёким.

Но чем дольше Уилисс всматривается в чужую бездну, тем сложнее понять, где заканчивается чужая история и начинается его собственная.

Ведь чтобы понять падшего, иногда достаточно взглянуть ему в глаза. Главное — не обнаружить в них себя.

Содержание

Глава 1, часть 1	4
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Евгений Цикада

Переживания души

Глава 1, часть 1

Пролог: Всё, что я помню, — это белый, нежно-белый свет. Как идеально выглаженное бельё или свет, когда ты рождаешься на свет. Что начало, что конец — всё имеет одну суть: когда рождаемся, видим белый, когда умираем — видим свет в конце тоннеля. Глаза утоняют в белоснежности этой комнаты, но ничего идеально белого нет. Напротив меня сидит мужчина, вид его блаженный и совершенный, будто бы ему без разницы, сколько здесь сидеть.

— Эй, мужик!

— Да-да, что же тебе нужно? — с невозмутимым лицом сказал он, втыкая ручку и просматривая бумагу, лежащую на его деревянном столе.

— Какого хрена, чувак? Где мы? — Что же ты такой резкий?

— Как я ещё должен реагировать? Что за хрень, мужик, ты мне, может, ответишь?

— Ммм... Нет, не хочу, — сказал он, запрокинув голову вверх, словно в этом ослепительно белом свете он пытается найти небо.

— Эээ, а зачем ты тут нужен?

— Да не знаю... Ты вот лучше знаешь. Скажи мне своё имя.

— Имя? Ты смеёшься? Зачем оно тебе?

— Ну как зачем? Мне записать надо.

— Давай ты не будешь кормить меня какой-то ерундой, объяснись, — сказал я, ударив по столу и выбросив его чёртову бумажку подальше. — Что же ты делаешь, юнец? Ты стесняешься имени? — Нет! Вовсе нет... Просто... Я не помню его... — резкая боль в голове повалила меня на пол, заставляя биться в жутких конвульсиях. — Ух ты... Ты не знаешь своего имени. — Да лучше прекрати это, ублюдок! Чё за фигня?! — Это случается со всеми, кто сюда приходит. Ну, я, в общем, пойду, может, я дождусь, когда ты назовёшь своё имя... — Чувак, ты куда?! Почему ты оставляешь меня? После моих слов мужчина вышел за дверь, которая чудом сразу же исчезла, как только захлопнулась. Жуткая боль, накатившая как волна цунами, отступила так же, как и появилась. В комнате остался только я, стол и его проклятый лист, который, кажется, я выбросил, и он уже должен был утонуть в чёртовой белоснежной лаве. Но он остался здесь, как и ручка. Сев на стул, я принялся жадно разглядывать лист.

Предисловие к первой главе:

«Существование предшествует сущности».

— Жан-Поль Сартр.

В моей жизни не встречались люди, которые абсолютно злы. За каждым злом стоит поступок, не важно какой. Когда вы всматриваетесь во тьму, на своё удивление, вы станете её понимать. Реагировать гневом на зло — значит повторять тот же сценарий, что и создало зло. Всматриваться в бездну — не равно быть злым. Это скорее способ проявлять большие милосердия. Но если мыслить как бездна, то вы станете частью её самой. — Уилисс Хлоралл.

Арка 1, часть 1 «Пой же, Франческа»

Зачем жить? Зачем иметь имя? Что изменится от того, как меня будут звать? Странные вопросы для ищущего причину жить. Кажется, вот вроде, возьми и скажи — всего-то нужно открыть рот и произнести буквы, но если задуматься над этим по-настоящему — перехочется жить. Это как пытаться искать причину жить: чем больше думаешь, тем меньше хочется, всё до банального гениально в этом смысле.

— Братик, спасибо тебе! — резвый голос моей слепой сестрёнки раздаётся на весь дом. Она... привыкла так говорить, может, ей хочется, чтобы её слышали.

— Да не за что... — отчасти смущаясь, я прижимаюсь к стулу.

— Откуда ты знаешь, что я хотела именно эту книжку?! Ты просто удивителен! — от счастья она запрыгнула мне на руки. Страшно представить, что она настолько тонко улавливает моё присутствие.

— Ну... Она была единственная в книжном со шрифтом Брайля, вот её и взял...

— Ты лжёшь... Наверное... — эти слова пробили как резкий звон колоколов, бьющих в самое сердце. Она знает, а я знаю о том, что она знает, но мне всё равно стыдно признать, что я читал её записи.

— Да, может быть... — лучше всё же признать своё поражение, её никогда мне не обмануть... Я плохой лжец.

— Спасибо тебе большое! — она продолжила меня обнимать так же, будто бы этого разговора и не было.

— Ладно, может, ты чего-то съесть хочешь, сестрёнка? — я знаю, что у нас мало продуктов, но надеюсь на то, что смогу сделать ей то, что её порадует.

— Пудинг! Большой пудинг! — радостно выкрикивала она название своего любимого лакомства, размахивая руками и почти попадая мне по лицу.

— Хорошо... Хорошо, — пытаюсь улыбаться, поглаживаю её по голове и укладываю обратно в постель с новоподаренной книгой. Пол скрипит, создавая будто даже в моём доме какое-то неуловимое шаткое положение, словно он вот-вот рухнет и я полечу в пропасть бездны.

— Так, где, мать его, это всё сложено... — В коридоре раздался дзынькающий звук колокольчика.

— Улисс, ты дома? — раздался голос девушки из-за дверей парадной.

— Да! Подожди секунду! — Вытирая руки, побегал к

двери. Открыл дверь — передо мной стояла девушка.

— Привет, Улисс, ты сегодня пропустил пары и, в общем...

— В общем — что?

— Я принесла тебе конспекты по предметам, но это не сильно важно...

— Так что важно-то? Что-то случилось?

— Эх-х... Улисс, ты всегда такой нетерпеливый?

— Нет, просто ты всё медленно говоришь.

— В общем, где твоя сестрёнка?

— Нельзя было сразу спросить? В комнате она, проходи.

— Ура! — Они чем-то похожи в этом смысле.

— Лия! Как я тебя долго не видела! — Мика упала к ней и стала тереться лицом о щёки моей сестрёнки. Это забавный контраст, хотя разница в возрасте у них приличная вроде. Вернувшись на кухню, я только слушал доносящиеся из комнаты разговоры, пока готовил ей пудинг из того, что было.

— Надо бы календарь этот выкинуть, уже остановился на дате, когда умерли родители, и не продолжался... — Проговаривая мысли вслух, я аккуратно сложил его в пакет и бросил под стол. Самое время убрать то, что застряло в 1983-м, а ведь столько времени уже прошло.

— Давай помогу! — Не знаю, то ли у неё привычка такая — громко говорить, то ли она специально.

— Да берись уж... — Промямлил что-то ей и пошёл в

комнату к сестре, скинув всю готовку на Мику.

— Братик, братик! Смотри, что Мика мне подарила! — Ещё одна книжка... Мы как будто думаем об одном и том же, но эта из другой серии.

— Ого! Как она тебя обожает! — Поглаживая её по голове, я искренне радовался тому, что у Лиш есть тот, кто ещё с ней поговорит и даже подарит...

— Да! Сестрёнка Мика такая добрая, хе-хе. Братец, братец! — вскрикивала она, подпрыгивая на кровати.

— Что такое, Лиш?

— Я хочу, чтобы сестрёнка Мика стала моей настоящей сестрёнкой!

— Это как? — По-моему, странная просьба: если она уже сестрёнка, то как по-другому?

— Женись на ней!

— Пха-пха! Чего-чего?

— Ммм? Ты не услышал? Я же сказала...

— Да услышал. Как ты себе это представляешь?

— Братец, ты что, не хочешь? — Интересно, насколько у неё всё просто. Я надеюсь, Мика на кухне не слышала этого. Но, смотря на Лиш и на то, как на меня жалобно смотрят, честно говоря, сложно отказать.

— Ну, там же люди встречаются, там, романтика всякая...

— Бе! Это слишком сложно!

— Да-да, — решил больше не углубляться в эту тему,

потому что её что-то совсем понесло.

— Лиечка, пудинг! — В комнату зашла Мика, держа в руках тарелки с пудингами.

— Хау, спасибо, ты такая хорошая, — сестрёнка расплылась в улыбке, поедая пудинг.

— Как вкусно! — не пережевывая, пытается говорить Лия, приложив ладонь к щеке.

— Сначала прожуй.

— Братик, не сердись так, действительно вкусно же.

— Спасибо, Лия, ты такая хорошенькая, хе-хе. — Эти двое, жестъ, ещё и говорят одинаково.

— Уилисс, чего сидишь с такой постной миной?

— Ощущение, что я тут вторгаюсь в вашу идиллию.

— Да, так и есть!

— Вы охренели, по-моему!

— Бе-е-е!

— Молодец, Лия, так ему и надо.

— Кх... Не, ну вы точно охренели!

— Не бузи, Уилисс, бяка ты эдакая, хех. — Не знаю, чего они добиваются, но выводить меня из себя им явно нравится.

— Хорошо, не буду.

— Эй, ну чего ты? Мог бы возразить что-нибудь интересное, — эх-х, ничего нового: вроде смирился, а теперь снова по новой.

Так прошло несколько часов, пока Лия и Мика умилялись

и играли друг с другом. Прибравшись на кухне, ко мне вышла Мика, собиравшаяся уходить.

— Давай проведу, время позднее уже. — Накинув что было под стать сентябрю, мы вышли на улицу. Мика говорила как всегда шутки про любовь — что я просто хочу побыть с ней побольше, — а потом смущалась от того, что говорила.

— Мика, ты же даже любовных романов за 18 лет жизни не прочитала, откуда у тебя такое рвение?

— Гх, да... Да что ты такое говоришь! Всё я читала.

— Да? Ну назови хоть один? — Она будто бы не знает, что мне легко заставить её врасплох.

— Э... Э-э, ну этот... «Милый город». — Ага, конечно.

— Только что придумала? — Её щёки немного покраснели от смущения, и дальше она шла полностью молча. На небе уже потихоньку вырисовывались звёзды, иногда исчезая за крышами жилых домов.

— Уилисс, ты завтра пойдёшь на пары? — решила разбавить молчание Мика.

— Нет, завтра же суббота.

— Угх... — Неужели она завтра собиралась идти на пары, которых нет, или эффект от прошлого разговора ещё даёт о себе знать? В общем, неважно.

— Не хочешь, может, взять тогда завтра сестрёнку и...

— Что «и»?

— Прогуляться... — А-а-а, она просто не сразу сформулировала мысль, как всегда.

— Наверное, стоило бы. Она уже давно не выходила никуда, пусть и не видит. — Лицо Мики после последних слов немного напряглось — кажется, это её расстраивает. Скорее, осознание того, что Лия редко выходит на улицу.

— Пока, Уилисс! Только не забудь, я за вами зайду! — Сразу переключилась в свой обычный активный режим и убежала в дом. Как у неё это получается делать? Я тоже так хочу! Меня, правда, всё время смущает, что и она стала так много заботиться о Лии... Когда же это началось? Может, с самого начала, как родители умерли четыре года назад, или нет? В общем, это не сильно важно: если бы было по-другому, я, может, и не выдержал бы такой нагрузки. В доме, как всегда, горит свет. Хотя не знаю, зачем я его оставляю, привычка, наверное.

— Братик, Мика уже ушла? — сходу задаёт вопрос Лия.

— Да, малыша, не беспокойся, я её провёл уже, — говорил сестре, поглаживая её.

— А... А это правда, что мы пойдём завтра куда-то?

— Да, Мика уже даже выбрала куда, так что не беспокойся, всё будет хорошо. — Мне тяжело ей отказать в чём-либо или огорчить.

— Ура!

— Я рад, что ты так воодушевлена! Но постарайся лечь спать: нам, может, завтра рано выходить. Всё, ложись, если что-то надо — кричи.

— Братик, ты всегда это говоришь, я и так уже знаю!

— сказала Лия, надув щёки.

— Да-да, спокойной ночи.

— И тебе!

Зайдя в комнату, я лёг на кровать и буквально сразу провалился в сон. Всё не выходит из головы тот день: всего четыре года прошло, но всё как сейчас помню. Один и тот же сон — страшный сон, преследующий меня. Словно всё наяву... Только было бы хорошо, если бы это было всего лишь сном.

Утро пробивалось в окно золотыми лучами солнца, пусть мои шторы и были плотно задернуты. Иногда после такого сна — собственно, как и сегодня — чувствую себя отвратно, даже ужасно. Это словно бес, тянущий из меня все силы и ведущий на тот свет.

— Лия, вставай, а то проспишь, — сказал сестрёнке, зайдя в её комнату.

— Братик, куда просплю... — Лия ответила тихо, пытаясь подняться. — Мы же вроде никуда... — После этих слов она сразу увалилась обратно на подушку.

— Ты что, уже не хочешь с Микой идти?

— А-а-а! Мы сильно опаздываем? — сразу подхватила с кровати, размахивая руками в разные стороны.

— Да я шучу, можешь потихоньку всё делать, ещё до встречи три часа.

— А? Да как ты можешь! — говорит Лия, надув щёки.

— Очень просто.

В общем, ей не стоит долго валяться: с такой нерасторопностью мы всё равно будем долго собираться.

Приведя себя немного в порядок в ванной, я долго оставался смотреть на своё отражение в зеркале.

— Ужасно... — Мне кажется, эта побледневшая от усталости кожа выглядит просто ужасно... Когда только я успел себя так запустить?

Выйдя из ванны, я вынужден повторять одни и те же действия своего дня сурка: готовка, помощь сестре, потому что ей приходится тяжело... Действительно, чем чаще задумываешься, тем меньше хочется... До сих пор сложно осознать, что сестрёнка потеряла зрение... В общем, неважно. Мне всё равно нужно что-то делать и помогать, всё же она единственный родной человек.

— Братик! — донёсся крик из комнаты.

— Да?

— Что горит?

После её вопроса я сразу выпал из долгих размышлений и увидел, что на сковородке всё дымит. Твою мать... Теперь опять всё заново готовить.

— Лия, что ты хочешь на прогулке? Может, съесть чего-то?

— Ммм, не знаю...

В принципе, очевидно — чего я только ожидал? Столько времени без улицы, вряд ли она особо помнит, что вообще продают.

— Может, мороженого?

— Хочу! — Мне кажется, это было ожидаемо.

В дверь раздался звонок. Странно, ведь до встречи ещё два часа.

— Уиллис, ты почему так долго?! Неужели ты...

— Что «я»? Чем уже согрешил? — Немного не пойму, что Мика хочет сказать, но она, как всегда, тормозит. Её щёки окрасились немного в розовый, и она попыталась ещё раз.

— Ты... Ты... А-а-а-а, не, не могу! Специально, наверное!

— Что специально?

— Доводишь специально!

— Как?

Она резко отвернула лицо и буквально выкрикнула:

— Прячешь порнушку!

— Нет, я уже её спрятал, в этом нет нужды.

— Да нет, что ты, я такое не читаю...

— А, ну раз ты так говоришь... то я пройду.

— Эй, ты чего делаешь? — выпалил на её толчок, но Мика уже побежала к Лие, напрыгнув на неё как хищник.

— Лиечка, ты такая... МИИИишЛАая! Можно я тебя ещё посильнее обхвачу? — Нет слов, одни эмоции. Лишь бы не задушила сестру.

— Мика, угомони чутка свой пыл.

— Да что ты такое говоришь! Ну она же такая миленькая, как отпустить можно?!

— Я и не говорил отпускать, хватку ослабь.

— Ладно... — С опечаленным лицом она села рядом с ней и перестала висеть.

С самого утра всё такое шумное, что, кажется, мои барабанные перепонки скоро не выдержат и лопнут от таких нагрузок. Мало этих двух, ещё за окном поют свои песни цикады — даже не поют, а орут скорее, редкие гости для нашего региона. Поставив обед, Мика и Лия общались о всяком, в основном о чём-то своём, личном, что мне слышать не стоит. Но в общем, пыл сестры, несмотря на всё произошедшее, не угасает совсем. Смотреть за таким, наверное, и является счастьем. Даже если тебе не нравятся лучи солнца, я всегда помню наставления мамы: «старайся ловить каждый момент» — и всё такое. Хотя пользуюсь ли я этим — вопрос хороший.

— Мика, может, ты дашь Лие хотя бы поесть? — Её тисканья моментами переходят границы дозволенного, точнее того, что не травмирует.

— Уилисс, ты последние дни какой-то не такой. Ты заболел, может?

— Ну-у-у-у, я думаю, если бы я щас валялся в кровати с температурой, ты бы покормила меня с ложечки и забобтилась. — После этих слов Мика отвела взгляд куда-то в потолок и упала в обморок. Кажется, я переборщил: у неё регулярно такое, если её шкала милоты начинает зашкаливать.

— Эй! Мика! Очухайся уже.

— Хау...

— Ты злишься или что это значит? — Не умею понимать какие-то нечленораздельные слова, но попробовать стоит. — Может, ты головой ударилась, нет...?

— Нет, со мной всё шикарно!

Меня пугает то, как она быстро приходит в нормальное самочувствие, страшно даже...

Пока я мыл посуду за обеими, Мика уже собрала Лию к прогулке и сразу на ней повисла. Собственно, ничего нового: её убивает наповал всё, что оказывается из старой одежды. Наконец-то усадив Лию в инвалидное кресло и выйдя из дома, на её лице я читал какой-то абсолютный восторг от того, что она наконец-то сменила обстановку. Слышались разные запахи цветов: наши соседи всегда к концу августа выставляют целую аллею своих цветов, которая вместе с этим добавляет под окна и насекомых, с которыми потом приходится бороться ночью. Но всё же цветы от этого выглядят хуже не перестают.

— Личка, у тебя всё хорошо? Ничего не мешает?

— Мика, было бы плохо — сказала бы. Чего ты прыгаешь?

— Ну... Ну...

— Э-э, ответ последует или нет?

— Неважно, — ответила как отрезала. Никогда её такой не видел. Помню, когда мы ещё в подгузниках бежали, Мика была очень заносчивой и противной, постоянно бесила —

настоящий дьявол в юбке.

— *Мика, что-то не так? — Лиля неожиданно прервала мои размышления. Интересно, моя сестра и правда «видит» мир глубже, чем все? Мне хочется так думать.*

— *Нет, Лиечка, всё хорошо. — Честно говоря, её неестественная улыбка даже пугает немного. Эх, вот сколько её знаю, а всё равно не могу понять, что у неё на уме. Вот может ей сейчас плохо? В отчаянии или ещё что похуже? Знать бы ответ.*

— *Лиечка, держи.*

— *Хау... Какое холодное! — За такие моменты я бы всё отдал, лишь бы сестра радовалась.*

— *Аккуратнее ешь только. Может, тебя Мика покормит?*

— *А-а-а! А можно? Можно ведь? — Сзади стояла Мика, которая, кажется, уже готова была умереть от количества милоты.*

— *Да, если можешь, — Лия ответила и отвела лицо в сторону.*

— *Твою мать, что же ты наделала! Она же опять в обморок грохнется.*

— *Подойдя к карьеру, мы присели на лавку, и Мика начала свою милую экзекуцию по кормлению Лии, а я пока уставился в сторону воды и стал её рассматривать. В воде всё же есть что-то такое, чего нельзя передать словами... Скорее, то, что она кажется настолько великой — может, только*

мне. Лия сидела спокойно и ела с ложечки. Вроде всё хорошо, но меня пугает, что она совсем не улыбается. Вчера она как будто была более воодушевлённой, словно по облачкам счастья парила, а сейчас словно перелом случился.

— Уилисс!

— А? — Резкий крик Мики вырвал меня из мыслей.

— Что ты засел в облаках? Ты не видишь, у тебя сестрёнка опечалена?

— А мне танцевать может тогда? Мне кажется, ты её душишь, Мика, дай ей побыть немного с собой. — Зря я это, кажется, сказал: что-то теперь и у неё лицо перекосило, то ли от злости, то ли от грусти. Не проронив ни слова, мы просидели где-то около часа под стрекотание насекомых и полёт бабочек. Но теперь я будто стал главным злодеем: все косятся со стороны, и эти взгляды ловить нелегко.

— Уилисс, ты завтра пойдёшь на пары или так и не будешь ходить? — Опять Мика первой обрывает тишину и покой.

— Да вот не знаю, вроде не хочу идти. А я сильно нужен?

— Я там одна постоянно хожу! Ну, Уилисс...

— Ладно... Ладно... Завтра, может быть, приду.

— Может быть?! Издеваешься, да?!

— Да приду, так устраивает?

— Ха! Завтра жду тебя в семь тридцать возле твоего дома! — Точно сатана в юбке, но ещё со щенячьими глазами. Сестрёнка вроде немного даже повеселела и расслаби-

лась, упав коленями на Мику.

Идя по улице обратно домой, по пути мы зашли в магазин канцелярии. Не ходить около нескольких месяцев в университет оказалось довольно занимательным делом: я уже даже обжился этим уютom. Вроде это называют золотой клеткой.

— А-а-а! Уилисс, смотри, смотри!

— Что ты там уже увидела?

— Какие милые брелоки, хочу! — Опять на те же грабли... Удивляюсь, как мы вообще тогда из магазина ушли, не прихватив всякой «милоты».

— Может, купить тебе?

— А... А... Можно? — Зачем строить такие глаза, когда тебе предлагают? Не выпрашивает вроде.

— Да, любой бери.

— Тогда...

— Стой, только не всё сразу! Лие тоже возьми. — Я понимаю, что это всё «миленькое», но у меня денег не хватит на всё и вся.

— Лиечка, какой тебе — с котиком?! Ха, а может, с собачкой?!

— Дай секунду подумать... Мика, не души её. — И опять после слов «не души её» я ловлю злобный оскал.

Оплатив им обоим брелочки и забрав себе пару тетрадок и ручек, мы вышли из магазина. Приятно смотреть на счастливые лица обеих, несмотря на то, что сегодня всё

прошло не так весело, как задумывалось. Небо постепенно окрасилось в оранжевый цвет, заигрывая своими лучами с зеркалами на столбах. Всё вокруг поёт и дышит сентябрем. Почему раньше не замечал? Так красиво и безмятежно... Погода напоминает мне о том, как я сейчас живу: золото сыплется с деревьев, покрывая асфальт и создавая впереди ковровую дорожку.

— Пока, Улисс! И тебе, Лиечка, тоже, но мне так не хочется с тобой прощаться! — Мика всегда виснет на ней и не хочет отпускать, но всё же сегодня, если задуматься, было не так уж и плохо.

— Улисс, только попробуй завтра не выйти!

— Д-да...

Вот и всё, день постепенно подходит к концу. Дома сейчас опять придётся возвращаться к бытовым делам... Надеюсь, мы наберёмся сил ещё выйти. Ничего не меняется, одно и то же: каждый божий день один и тот же вид. Может, Мика права и мне действительно стоит возвращаться потихоньку в университет, а не превращаться в комнатное растение, которое только и может выполнять функцию заботливого брата или имитацию бурной жизни?

Ложась спать, я всегда обдумываю, как быть и что делать. На мне висит непомерный груз ответственности за другого, но при этом потихоньку, будто где-то за углом, сидит страшное ощущение, что моя жизнь тоже медленно уходит на дно вместе с этим.

— Уилисс, вставай!

Мне показалось или мне кричит женищина с кухни? Мика пришла? Но я же только уснул, откуда она могла взяться? Встав с кровати, надев какие-то смешные тапочки и выйдя на кухню, я чувствую, как в горле моментально застревает ком.

— Мама?

— Да, Уилисс, это я. Тебе что-то не нравится? Или ты ожидал кого-то другого увидеть?

— Нет, всё нормально...

— Давай садись. А, точно: позови Лию, пожалуйста, она, наверное, спит ещё.

— Лия! Подойди сюда.

После моего зова на кухню забежала девочка лет шести... Это точно моя сестра? Какого хрена она стала меньше?!

— Лия, ты не забыла, что у тебя сегодня первый день в школе?

— Нет, мамуль, волнуюсь сильно.

— Не переживай, всё хорошо будет, — мама закрыла шкафчик и улыбнулась после своих напутственных слов.

Ощущения как будто вполне реальные, но... Мама, ты же умерла ещё четыре года назад... До сих пор в толк не могу взять.

— Уилисс, ты ещё долго будешь носом в тарелку клевать? Заставлять ждать девушку — это неприлично, чтобы ты знал.

— Какую ещё девушку, мам? Меня вроде сегодня никто не ждёт, я один иду.

— Ах... Ты точно ещё не проснулся. Тебя Мика на улице ждёт — уже минут десять как пришла, кажется. Прости, готовила, за временем не следила.

— С каких это пор она меня ждёт, интересно?

— Улисс, сынок, тебе память отшибло? Вы почти каждый день ходите — не разлей вода, и ты всегда её ждать заставляешь, потому что спишь до последнего момента.

— Ладно...

Херня какая-то. Обычно по дороге в школу мы с ней встречались как получится и где получится. Но либо я что-то упустил из памяти, либо мама врёт, лишь бы я быстрее свалил.

Выйдя на улицу... Там действительно стояла Мика — возле ограды, держа что-то подобие кожаной сумки и укрывая лоб рукой от палящего солнца.

— Улисс, где тебя носит?! — А характер не поменялся вовсе: такие же громкие вопросы в лоб.

— Спал, ел, потом вот решил выйти.

— Боже мой, ты можешь хоть один раз выйти нормально?! — Её злость понятна, но, если честно, нет, не могу. Я вообще не знаю даже, что происходит.

— Да-да... Ну ты же всё равно меня будешь ждать? — Её лицо немного порозовело, и она отвела взгляд.

Потихоньку направляясь в школу, я услышал до боли знакомый, громкий стук колёс.

— Здарова, братан! Что ты, как поживаешь? — Кметч? Давно тебя не видел... В мои восемнадцать в реальности, кажется, он либо умер, либо исчез из нашего города навсегда.

— Чувак, что ты гонишь? Мы же с тобой вчера на спот ходили, неужто забыл? — Не помню, чтобы вообще на скейте катался.

— А я разве умею на скейте кататься? У меня его же даже нет. — Когда я остановился посреди дороги, на меня уставились Мика и Кметч — взгляды у них были удивлённые, пронизывающие вдоль и поперёк.

— Чувак, что с тобой сегодня?

— Ммм, вроде всё нормально?

— Да нет, ты явно болен, ещё и бредишь.

— Да не может быть такого, Кметч... У меня ни скейта нет... Мы же с тобой на тусовки к инди-рокерам ходили постоянно, не помню я такого. — После этих слов он подхватил меня за плечо, и мы пошли обратно к моему дому.

— Матушка, Уилисс явно болен! — прокричал Кметч моей маме в дом.

— Что случилось уже? Ты опять набедокурил конкретно? — осыпала вопросами мама, но я совсем застрял в своих мыслях.

— Да нет, у него, походу, память отшибло: ходит и чушь

всякую нам мелет. Отведите его лучше в спальню, пусть проспится, — подытожил Кметч, и вместе с Микой они удалились на уроки.

Мне тяжело признать то, где я пребываю. Вроде всё такое реальное, но я такого не помню... Да нет, точно такого не было! Что за херня, твою мать, куда я вообще попал?!

— Сынок, может, к врачу сходишь? А то ты совсем растерянным и испуганным выглядишь.

Отчего мне тяжело... Может, мне просто страшно признать, что теперь я ни в чём не нуждаюсь? Или потому что больше во мне никто не нуждается?..

За стеной послышался хлопок двери: мама повела Лию в её школу — первый день как-никак.

Выйдя на кухню, шатаясь так, что, казалось, проще было упасть и просто ползти, я сел на стул, взял кухонный нож и воткнул себе в горло. Боли... Ничего не было. Я просто проснулся весь мокрый в своей кровати. Но слёзы не были сном: они стекали по подушке, создавая ровные линии, стремившиеся сползти вниз.

На настенных часах время пробило лишь пять утра. Раньше я никогда бы не сказал, что в такое время лёг бы спать. За последние годы засыпать только в семь утра или ещё позже стало обыденным — но поэтому ли я забил на университет?

В ванной — это проклятое зеркало, показывающее весь мой жалкий вид во всей красе. Оно меня так раздражает...

Вроде смотрю в него только я, а разбить жалко — настолько, будто совершу преступление против мира. Эта побледневшая кожа, синие глаза, которые, кажется, сейчас выпадут и раскатятся по полу... И кажется, будто мимо меня проносится всё, во что я был влюблён.

Странно всё это. Кажется, чем больше делаешь для других, тем становишься несчастнее сам, а должно быть наоборот.

Зайдя на кухню, я сразу заметил беспорядок, который мы оставили после наших посиделок с пудингами.

— Боже, неужели я тону во всем этом говне?

— Братик, ты чего не спишь? — За порогом своей комнаты, пытаясь нащупать стену, стояла вобнимку с медведем Лия.

— Да так... Может, ты хочешь съесть чего-нибудь? Мне сегодня в универ, так что придётся тебе сегодня одной себя развлекать.

— Яичницу! — Можно было и тише ответить, но да ладно.

Ситуация печальнее некуда... В холодильнике толком ничего нет. Как нам прожить ещё хоть немного? Походу, пора рассматривать любую работу... Впервые за последние месяцы приходится оставлять сестру. Страшно представить, что она почти все девять часов одна будет, но и неловко в университете сейчас появляться: вроде бы пару месяцев прошло, а будто бы я вообще там не появлялся. Действи-

тельно, чем больше думаешь, насколько счастливы другие, тем меньше самому хочется жить. Вот вроде ничего, карабкаемся, стараемся, а итог один — ноль движения.

— Братик! Ты там скоро уже?

— Да, Лия, подожди немного! — В доме опять нависла густая тишина. Она уже родная в своём роде: проела потолки, впиталась куда можно и нельзя. Кто-то, говорят, за тишину отдаст целые города, а кого-то она мучает. Отнести себя к кому-то не могу. Сейчас даже как-то тоскливо без Кметча стало: душа компании, вечная молодость... Чего он только не придумывал, пока катался на своём скейте.

— О чём думаешь? — Вопрос сестры сразу выбил меня из мыслей.

— А... Помнишь Кметча?

— Помню, братик! Я хочу снова с ним поиграть! — Вот это рвение! Почему, интересно, вчера такого не было?

— Ха-ха, а ты его любишь, что ли?

— Братик... Такое спрашивать нельзя вообще-то у девушки! — Интересно, с каких пор она стала меня поучать?

— Сейчас не знаю, где он. Кажется, с ним уже не виделись со школы.

— А почему так? — Сложно сохранять спокойствие, когда тебе говорят таким голосом.

— А-а-а... Ну, в общем, не сложилось. Говорят, он вроде уехал в Америку, больше ничего не слышал. Может, сёрфером стал?

— Сёрфером? А кто это такие, братик, расскажи-и-и!

— Это парни, которые на досках по волнам плавают — становятся и лавируют. — Эх-х, надеюсь, оно так... Может, он нашёл своё счастье? Парня всегда манила мечта покинуть наш город и вырваться в жизнь. Кто его знает, достиг он этого или нет, но мне его не хватает. Раньше думал: вот вырастем — будем вместе всегда. А по итогу — всего два человека. Грустно всё это осознавать особенно, а не только знать.

В коридоре раздался колокольный звон. Выйдя к двери, перед собой я увидел Мику: с выражением лица — чем-то средним между удивлением и непониманием — она стояла в своей форме, пусть у нас в университете она и свободная.

— У... У... У...

— Мика, с каких пор ты стала совой?

— Улисс, какого хрена? Такого ещё не бывало!

— Чего не бывало?

— Что ты не спишь, да ещё и слышишь всё с первого раза... — Её удивление понять можно: я, по крайней мере, с себя тоже в шоке.

— Не спится сегодня... Вот и решил тебя удивить. — Не хочется говорить про кошмары и прочую чушь, хотя, судя по её виду, она и так всё понимает.

Только вот, судя по всему, Мике мой ответ был и не нужен: она уже стояла на кухне, вешаясь на бедную Лию. Использует её как хочет...

— Лиечка, как раньше я этого не замечала! Ты такая МИ-и-и-и-Л-Л-Л-ла-а-а-я-я! — Твою налево, забыл... Надо бы дверь закрыть.

— Мика, задушишь же! Взрослая девушка...

— Бе-е-е!

Серьёзно?! Хотя... куда вообще заикнулся. Мне бы ухватиться за её жизнерадостность и не отпускать, хотя ей и самой приходится нелегко — может, поэтому она и старается быть счастливой.

— Мика, про меня помнит ещё там кто-то?

— Дай подумать... Хмм... Думаю, нет!

— Э-э-э, а чего так жизнерадостно?! — Пусть ответ и устроил, но всё равно обидно.

— Так ты же, наверное, думаешь, что придёшь — и сразу злой препод тебя поучать будет, так ведь?

— Кх... Мика, не угадывай мои мысли!

— Хе-хе, а с детства ты так и не научился скрывать свои эмоции, ха-ха! — Знает, зараза, куда больнее кольнуть, вот и пользуется. Я ей ещё отомщу.

— А чего злишься-то? Неужели задела? Хе-хе! Улисс, у тебя же от меня скрыть ничего не получится. — Эта девка... Кх... Сатана в юбке, ещё и ухмыляется.

А с другой стороны, нам уже и нечего скрывать друг от друга. С учётом того, что мы росли с пелёнок, судьба-злодейка всякую хрень подкидывает.

Когда мы доели, на столе остались только грязные та-

релки, но на мытьё времени не оставалось. Попрощавшись с Лией, мы ушли в универ.

На улице пахло утренней прохладой осени, пусть и лето в этом году выдалось на удивление жарким. Впрочем, по газетам ничего нового не передавали — может, только утро таким выдалось. Путь был обычный, но в голове снова откликаются воспоминания из сна. Ощущение, что упустил что-то настолько важное... Словно друга, который понимал меня лучше всех. Если вспомнить, Кметч предпочитал не делать вид, будто заметил твою боль — он всегда был человеком действия, а не слова.

Мика, на удивление, идёт спокойно. С трудом верится, что эта девушка, пока никто не видит, дурачится подобно ребёнку и вешается на мою сестру. Контраст прямо на каждом шагу! И почему только я работаю как магнит для чудиков и прочих сомнительных личностей?

Пройдя через турникет, я будто снова попал в свой первый день здесь: ощущение полностью незнакомого места. Страшно почему-то, аж на сердце давит.

— Давай, Улисс, чуть расторопнее! — Не виноват я в том, что забыл, куда идти.

— Мика, что у нас по расписанию сегодня?

— Пара истории, пара ещё чего-то там... Забыла... — Время идёт, а ничего не меняется. Даже когда поступили сюда, у неё вечно с этим были проблемы.

А по расписанию... Действительно история, но она вооб-

ще не сейчас. У нас пара по философии.

— Мика, как ты вообще ходишь на пары, если даже расписания не знаешь? — Её вид сразу изменился на испуганный, и она судорожно начала подбирать слова.

— Неважно, пошли уже!

С этого дня мне придётся возиться ещё с одним ребёнком, только большим. Ладно я, идиот, не закончу университет, потому что не хожу сюда, но путаться в парах и не знать, куда идти — это уровень. Хотя вполне в её стиле.

В аудитории пахло самыми разными ароматами: от дешёвого парфюма до пылящихся книг на шкафах нашего препода. Каков их смысл? Может, они создают антураж или служат для потешения его эго, чтобы показать, какой он умный? В общем, о нём это ничего не говорит.

Препода зашёл ровно по звонку и стал рассказывать какую-то занудную тему.

— Кхм... Сегодня лекция посвящена работе Жана-Поля Сартра «Экзистенциализм — это гуманизм».

Лекция тянулась долго, как резина. Когда я стал постепенно отрубаться, меня резко дёрнула за плечо Мика, сидевшая по правый бок от меня.

— Улисс... Я не для этого тебя вытащила, не спи!

— Мика... Тише, твою мать, не кричи, — не хватало ещё, чтобы на нас таранились, у меня пока чистая репутация.

На секунду я заметил, что преподаватель обратил на нас внимание.

— Студент, я вас раньше не видел! — пронесли его слова ко мне сквозь всю аудиторию.

— А... Э... Ну, в общем, только недавно появился здесь, — подловил, зараза. Теперь мне точно конец.

— Что ж, раз вы решили не посещать наш университет, значит, вы всё знаете? — Сраный заучка. Меня такие ма-нерные бесят, они как ненормальные. — Скажите, Жан-Поль Сартр говорит, что «существование предшествует сущности». Как вы это понимаете?

— Это... — Не сразу получилось сформулировать мысль, и в аудитории начались негромкие смешки. — В эту мысль Сартр вложил основу экзистенциальной философии: то есть человек сначала существует, а потом формирует свою личность.

Эго преподавателя не смогло скрыть удивления, но всё же он сохранил лицо.

— Хорошо, можете садиться.

Когда я сел, на меня уставилась Мика, вообще не понимая, что происходит.

— Улисс, ты же забил и не ходил! Откуда ты знаешь?! — тихо выговаривала она мне на ухо с возмущением и искренним удивлением.

— Поначалу учился же... Ха-ха. — Её взгляд говорил о многом: будто я идиот, ну или содержал другие оскорбления в подобном роде.

Досидев все остальные, настолько же скучные лекции,

мы ушли вдвоём домой. Собственно, в этом сомневаться и не стоило: она большую часть времени и так сидит у нас.

К вечеру в воздухе уже нависала непривычная сентябрьская прохлада, и потихоньку в голову прокрадывались сожжения, что не оделся теплее. По улицам расползлись муравейники таких же студентов, спешащих домой или в общежитие, с уставшими от учёбы лицами. Среди них я выгляжу чужим: пусть на вид тоже замучен, но совсем не по этой причине.

Зайдя в дом, я сразу услышал мягкий голосок, раздающийся эхом по всем комнатам:

— Улисс, братик, ты? — Честно говоря, после утомляющих лекций преподов это настоящий бальзам на душу.

— Да, Лия, это я. Соскучилась? — Зайдя в комнату... Она на ощупь сразу нашла меня и упала в объятия. Сложно скрыть улыбку, расплывшуюся после этого на пол-лица.

Но этому счастью выпала участь существовать недолго: инициативу сразу перехватила зашедшая в комнату Мика.

— Подожди, Мика, не души её! Дай хотя бы...

— Лиечка такая МИ-и-и-и-И-И-И-и-и-лая! Ну как её отпустить?! — Не знаю, кому был адресован этот вопрос. В итоге единственным верным решением, которое я мог принять, было удалиться на кухню готовить что-то съедобное. Пусть мне и самому в радость, что у Лии есть подруга, но лучше бы это была подруга её возраста, не страдающая

комплексом милоты... Будь её воля, Мика, может, и стащи-
ла бы её у меня — всё же силу применять не хотелось бы.

Приготовив еду, мы уселись на кухне. Мика, как обычно,
кормит Лию с ложечки, ставя в неловкое положение причём
даже не самую сестрёнку, а меня. Сколько ни говори, но те-
перь отвыкнуть от этого сложно: ходить в университет,
такие посиделки по вечерам... А ведь работу никто не от-
менял! Хотя для начала её бы найти надо — чего говорить,
пока её нет.

Развернув газету, я стал рассматривать подработки для
студентов. В основном, кроме тяжёлых работ на стройке,
вариантов особо и не было, хотя... Вроде есть одна: устро-
иться в магазин продавцом, да и смена как раз с вечера.

— Уилисс... Неужели ты... — Ну когда она уже научится
сначала думать, а потом говорить?

— Что я? Что-то не так?

— Взялся за голову?..

— Нет, просто по деньгам голяк полный. Мика, ты мо-
жешь с Лией по вечерам сидеть?

— Конечно! — Можно было и не спрашивать: и так всё
очевидно. Значит, надо завтра к ним сходить...

В дверь постучал неизвестный. Вздвогнув, я вышел встре-
тить нежданного гостя.

— Хлоралл Уилисс, это вы? — Голос мужчины сразу
пронзил мои уши своей басовитостью. На вид солидный му-
жик, уже прилично за тридцатник, протянул мне какую-то

бумажку.

— Простите, а вы кто?

— Почтальон в вашем районе. Дальше всё сами увидите. Ну, до свидания! — Распрощавшись с ним, я ушёл в свою комнату посмотреть, что это за чёртово письмо.

Развернув лист, я увидел красующийся текст и всякие бесполезные штампы, но окончательно меня добило шапочное название организации: «Социальная защита и попечительство несовершеннолетних».

По мере чтения текста во мне стала нарастать тревога и пришло полное понимание того, во что мы вляпались:

«Здравствуйте, уважаемый Хлоралл Уилисс Немброза. К вам обращается государственный служащий Мария Фос Эндервальт. По факту проживания несовершеннолетней Хлоралл Лиш Немброзы органами социального попечительства и защиты детей будет проведена проверка жилищных условий в течение сорока восьми часов. Просим не пытаться противодействовать нашей проверке, так как с нами будут представители полиции. С уважением, Фос Мария Эндервальт».

Мне впервые нечего сказать, не отшутиться ничем. Слезы медленно подступают, резко стало пусто на душе — всё равно что одному. Я не могу просто взять и зареветь на всю квартиру. Это невыносимо тягучее чувство засело в горле, не отпуская.

За дверью, как оказалось, стояла Мика. Пока по моим

глазам текли слёзы, создавая ровные линии подобно течению реки, единственное, до чего додумался мой мозг, — это убрать письмо куда-то за подушку. Но скрыть своё волнение уже просто не представлялось возможным.

— Улисс, кто это был и что ты прячешь от меня?

Мне страшно, искренне страшно. Сердце моментально прихватило, вот-вот должна была начаться паника. В горле перехватило все сосуды, и я просто рухнул в кровать, держась за грудь. Мика бросилась проверять моё состояние — вроде я был в какой-то степени в порядке. Пробиваясь сквозь весь мрак в душе, судорожно, сквозь слёзы, я пытался не заорать.

И впервые она обняла меня. Сколько помню себя, между нами даже близко подобного не было, сколько бы мы ни росли с детства. Но несмотря на это, я отдал ей письмо: не могу скрывать от неё ничего подобного, всё же она тоже стала частью нашей жизни.

Читая его, она тоже заплакала. Только в отличие от меня, она не стала сдерживаться — но так, чтобы не потревожить Лию. Мы оба поняли: это не просто мелочь, которая происходит в каждой семье. Как бы то ни было, для нас это слишком сложное испытание, даже невозможное.

— Я... останусь сегодня у вас. Завтра... Улисс, ты слышишь меня? Даже не вздумай куда-то выходить... — Её слова оправданы, но сделать мы всё равно ничего не сможем.

— Хорошо, как скажешь, Мика.

Вытерев слёзы, она ушла в комнату к Лие, и оттуда стали доноситься счастливые голоса. Удивительно, как легко она может схлопывать эмоции. Я бы не сказал, что для неё это пустяк или неважно — ей, скорее, даже хуже, чем мне.

Так до самого вечера я и просидел, вжавшись в кровать. Пусть я уже не ребёнок, но это показалось мне лучшим способом запереться от внешнего мира хотя бы на время. Спать Мике особо негде, поэтому я постелил себе на полу, а её уложил на свою кровать.

Сотни мыслей несутся в голове быстрее, чем поезда по железнодорожным станциям — скоростным составом. Ночь, если честно, всегда была мне противна. Она никогда не сглаживала углы в жизни, а лишь обостряла их до состояния ножа. Днём просто нет времени думать о плохом — нужно жить. Обвинить в этом некого, каждый живёт как получается.

— Уилисс, мне тоже стало тяжело... как и тебе, — разорвала ночную тишину своим голосом Мика. — Мы... выберемся... Верь в это.

Её слова, если честно, чувствуется, с каким трудом даются. Они слишком тяжелы для простых слов, потому и въедаются — невидимо для нас — в постель, даже в окна, откуда струится холодный воздух, подобно густому сигаретному дыму.

Раньше, как мне казалось, бояться ничего не нужно было. Боялся я только того, что в шестьдесят моя жизнь будет

наполнена бесполезными вещами и вопросами вроде: «Чего ты добился?». Но за последние годы пришло осознание, что я — просто ещё один, кто не смог. По сути, за всё время только мои первые четырнадцать лет жизни были самыми искренними и живыми. А сейчас я не могу ни за что удер-жаться, и жизнь только и говорит: «Прощай, Улисс, тебя больше нет».

С таким осознанием жить становится невыносимо, по-тому что это чувство не имеет границ: оно живёт во мне каждую секунду, не уйдёт, даже если я переплыву все на-думаные человечеством границы мира. Толку бежать, ес-ли эти вопросы — часть меня? Знать бы этот чёртов от-вет... Но никто не подскажет и не расскажет.

Утро сменилось не лучами солнца, а сменой формального числа на новом календаре, купленном позавчера в канцеля-рии. Для меня это стало неотъемлемо важным ритуалом — знаком того, что жизнь всё ещё продолжается, пусть вокруг и происходит откровенное дерьмо.

Мика встала раньше меня, уже возилась на кухне и при-биралась. Для меня даже подобная помощь становится ис-точником жизни, струящимся ручьём... Да, даже так мож-но сказать.

День скатился в пропасть ожидания. Время на часах по ощущениям тянулось невыносимо. Каждый удар секундной стрелки будто откликался во всём теле, особенно когда сердце било в такт ей, пытаясь пробить грудную клетку.

В дверь раздался звонок... Я знаю, кого мне ожидать: они никогда не соблюдают таймер.

— Здравствуйте, это вы Улисс Хлоралл?

— Да... Я... — Мне нечего им больше сказать. У меня, посему, эта привычка с детства: меня ещё даже не ругают, а я уже смотрю в одну точку на полу.

— Что ж, раз вы... Разрешите пройти?

— Да, проходите.

В дом зашли две женщины, громко цокая каблуками. Их вид говорил сам за себя: у той, что справа — кажется, именно про неё говорилось, — одежда прямо указывала, что она представитель полиции нашего города. А слева явно стояла сотрудница детского центра: по виду пусть и напоминает офисный планктон или, скорее, какую-то злобную начальницу.

— Улисс Хлоралл, скажите, вы официально трудоустроены?

— Нет, официально я студент гуманитарного вуза, — слова совсем не лезут из горла, а мой голос из немного басовитого стал совсем высоким и тревожным.

Мика сидела рядом с Лией в комнате, куда зашла представительница полиции.

— Понятно... Скажите, вы брат Лии Хлоралл?

— Да, верно.

— Вы имеете официальное постановление органов защиты и попечительства детей на право опеки над несовершенно-

нолетней?

— Нет, постановлений никаких нет. Я бы их и не получил... — Кажется, мне хотелось заорать или вырваться и избить их, но это невозможно... Просто невозможно... Держать всё это в себе становится совсем сложно, я окончательно оцепенел от страха... За что мне зацепиться? Я словно лечу с крыши дома, а остановиться никак.

Лицо чиновницы немного изменилось: кажется, ей самой это занятие не самое приятное. Может, за время работы она немного и очерствела, но забирать детей — скорее всего, нелёгкое дело.

— Скажите, сколько вы уже проживаете без родителей? Потому что в нашей сводке после смерти ваших родителей указано, что вашим опекуном выступил ваш родственник... Бабушка, правильно?

— Она умерла два года назад. Тогда заступилась за нас — и всё. Но приезжать не могла, только деньгами помогала... Я даже не знал её, и о том, что она умерла, мне не сообщали...

Для меня... это стало шоком. Когда перестали приходить от неё письма... Уже тогда... Твою мать, я знал! Но я даже ни секунды не думал о том, что она умерла...

Пусть я и не могу вот так взять и заорать, но на мои глаза снова стали наворачиваться слёзы. Мне впервые... так сложно их сдерживать...

— Ага, хорошо. Скажите ещё пару моментов: судя по на-

шим данным, ваша сестра не зарегистрирована ни в одной школе района, ни в специализированных интернатах для детей с особенностями здоровья. Вы планировали получение образования?

— Нет... Она должна была посещать школу, когда ещё была зрячей. Но тогда умерли родители, и, по заключению врача, на фоне развившейся травмы она потеряла зрение... За последние четыре года я только научил её читать по шрифту Брайля. Ещё её учила девушка, сидящая в комнате с инспектором, — Мика Рейнет.

— Хорошо... — После этого голос чиновницы потяжелел. — В общем, судя по данным, мы вынуждены изъять ребёнка. Если захотите получить право на опеку, это будет возможно только через четыре года — при условии, что ей не найдут другого опекуна.

По-моему, для меня было бы лучше услышать смертный приговор в зале суда. Я так и остался сидеть за столом, просто уставившись на бумажку об изъятии, как баран на новые ворота, или ещё хуже. Моё «я» просто ушло куда-то глубоко внутрь в надежде, что сегодняшний день — просто хреновая шутка какого-нибудь ублюдка.

Лия подошла ко мне, на ощупь держась за стену, и ухватила за край моей майки. Я почти инстинктивно протянул ей руку. Вжавшись в меня, она прижала к моей шее своего плюшевого медведя... Кажется, я купил его, когда отработал какую-то смену на подработке. Долго выбирал... ко

дню её рождения.

Мика сидела в комнате Лии, опираясь спиной о кровать и уткнувшись лицом в поджатые ноги, тихо рыдая. Мне больно смотреть на это, но, к жаль, я ничего не могу с этим сделать... Даже как ей помочь — не знаю. Слишком много плохого лезет в голову. Что мне делать? Как быть? Броситься бежать со всех ног? Но это значит лишь обречь всех на ещё большие страдания.

Лия так и держалась за меня до последнего, пока Мика, вытирая слёзы, собирала её вещи. Меня изнутри съедает вопрос: почему этого не делаю я? Тут хоть убегай, хоть нет — всё равно делаешь больно другому. И виноват в этом только я.

Женщины из опеки наблюдали со стороны с отстранённым видом. На их месте я делал бы точно так же: постоянно наблюдать за изъятием ребёнка из семьи — работа, которая добывает психику, и мало у кого она не вызывает отвращения до самой пенсии.

Мика сложила вещи Лии и сделала последний шаг в эту пропасть бездны: застегнула на сестрёнке курточку и крепко обняла её... Да даже не обняла, а вжалась в неё. Мне не хватает решимости сделать хоть что-то, даже сдвинуться с места невозможно — каждый сустав парализовало. Может, от осознания безнадёжности положения, а может, от чего-то ещё.

Обняв Лию точно так же, я невольно вытер слёзы об её

курточку. Совсем плохо... Мне совсем... до ужаса плохо.

Дверь захлопнулась. Женщины увели Лию. Теперь мы с Микой остались вдвоём на пороге. На её лице высохли слёзы, оставив за собой кривые мокрые линии. Она приподнялась и ушла в мою комнату. Ни на секунду не промедлив, я последовал за ней. Она тяжело упала на кровать и отвернулась к окну, грызя ногти.

Я прекрасно понимаю её состояние. Раньше, когда я видел Мику в подобном настроении, она просто читала книжки — фэнтези и прочее. Но как теперь ей наслаждаться вымышленными мирами, когда реальный рушится на глазах?

Решив не беспокоить её лишними вопросами, я просто отвернулся в противоположную сторону, к двери.

Вокруг висят постеры разных инди-групп, выступавших в нашем городе. Ладно бы просто висели — ну и чёрт с ними! Но именно сегодня им нужно напоминать о минувших днях... Раньше, посмотрев на них, я бы сказал что-то вроде того, что был счастлив в пьяном угаре с другом, испитывая танцпол, пока гаражная группа упивалась песней про несчастья и боль. Тогда мне казалось, что боль кроется где-то в вечном поиске себя, во взрослении... Но теперь она померкла и представляется ничтожной. У нас нет ни сил бороться, ни желания. Мы просто выгорели дотла, бегая по полю несчастий, преследующих нас уже четыре года.

Мика уснула в той же позе, в которой и легла. Когда я заснул, мне стал сниться странный сон: я бегу через тёмный

лес, хотя в небе светит солнце. В вышине летит маленький метеорит, рассекая облака и оставляя за собой сгустки дыма. В этом есть своя красота. Мне его жаль: он рождён, чтобы сгореть или взорваться на Земле. Но, сгорев, он хотя бы растворится среди вечно холодных звёзд, поэтому, как мне кажется, ему не страшно умирать. Видимо, понимает свою судьбу — ведь зачем ему эта жизнь среди бесконечных чьих-то грёз? Похожи мы с ним... Только меня всё это ещё не постигло: он уже сгорел, а я — на грани.

Из сна меня вытолкала Мика, не проронив ни слова. На часах было около трёх ночи. Глаза совсем заплыли, и циферблат стал скорее размытым образом, чем системой времени.

На кухне она неуклюже пыталась управляться с тем, что было под рукой, постоянно всё роняя. Удивителен сам факт, что Мика вообще сдвинулась с места... Да чего таить, я и сам от себя в шоке. Вроде бы есть не хочется совсем, не пить... Не могу решать за неё, но мне лично сейчас точно не до этого.

В какой-то момент она встала за моей спиной и повисла у меня на плечах. От шока я не смог проронить ни слова. Она упала прямо мне на шею, и я быстро перехватил её, чтобы мы оба не рухнули на пол.

Наш первый в жизни поцелуй не выглядел романтично и совсем не соответствовал обстановке грязной кухни. Мы упали прямо на пол, сжимая друг друга так, что, казалось,

её пальцы вырвут из меня кусок плоти. Нам тяжело обоим. Не знаю... Мне кажется, будто мы — два утопающих, которые вместо помощи друг другу нервно сгребают одежду. Для чего всё это?

Мика после всего отключилась совсем — от бессилия. Я уложил её на кровать и, укрывшись чем было, лёг домучивать хотя бы ещё пару часов сна.

На утро в плече сильно отдавались жгучие следы ногтей, а тело совсем не слушалось и вопило так, будто мы совершили что-то ужасное, на уровне со смертным грехом. Зайдя в ванную, я увидел под глазами ещё более синие мешки, чем вчера... да даже позавчера. Ощущение, будто теперь я стал не просто выглядеть как смерть, а превратился в её часть.

На кухне после утренних процедур обнаружился разгром: по полу валялись мои вещи и некоторые её — даже бант с рубаишки. Но самой Мики нигде не было... Оббегав весь дом, я так и не смог её найти.

Быстро собрав вещи, я бегом отправился к её дому. Меня мучает беспокойство — и вовсе не за прошедшую ночь, а за то, что у неё сейчас на душе.

Дверь в её маленькую квартиру оказалась незапертой, но самой Мики внутри не было. В доме творился полный хаос: разбросанные вещи, разбитые рамки с фотографиями... Всё перевёрнуто с ног на голову — можно сказать, пронёсся торнадо. Немного побродив и собрав хотя бы осколки с

пола, я решил уйти. Мне нелегко оставлять всё так, да и не верится, что такая хрупкая девушка, как Мика, могла проверить подобное... Хотя силы ей не занимать.

На улице веяло дневной жарой бабьего лета. Воздух плавился и кипел прямо на глазах, оставляя за собой только зной и запах раскалённого асфальта. Улицы, пусть и для рабочего времени, совсем опустели, оставляя меня наедине с собой.

Присев в тени и упав на прохладный бетон, я мог думать только об одном: куда она могла запропасться? С текущим состоянием Мики просто взять и пойти на учёбу было бы сродни фантастике или её нереальной выдержке...

Смотря ввысь, я очень хотел бы оказаться среди этого ясного, синего неба и ловить облака на сёрферной доске, как волны. Но ничего из этого не будет: сколько ни мечтай — всё без толку.

Вернувшись домой и прилёгши на кровать, я заметил, что время по сравнению со вчерашним днём ускорилось, и день стал быстрее подходить к концу. И теперь каждый раз — изо дня в день — ничего не меняется. Заточение дома мне ничуть не помогает. А по радио (будто кто-то делает это мне назло) объявили тайфун на ближайшие несколько недель, и город который день подряд погружается во мрак.

Дни стали лететь очень быстро, не давая обдумывать мысли. Смотря в зеркало, я замечал, что стал походить на измученный скелет: еды толком не осталось, а жизнь всё

катится на дно вместе со слёзами неба, бьющегося о мои окна.

От боли каждый день приходилось укрываться в комнате сестры — мне это показалось лучшим решением. Там словно образовался свой метафизический мирок, который немного помогал мне осмыслить происходящее. Я даже отрубался там, вжавшись в её подушку, которую руки не осмеливались отпустить.

В один из таких гнусных и несчастных вечеров на пороге дома раздался дверной звонок.

Открыв дверь, я увидел Мику... Но далеко не такую, как раньше. Её белое длинное платье всё вымокло до предела и было измазано в красных брызгах и пятнах. Волосы намокли насквозь и просто свисали патлами вниз.

Когда я подхватил её на руки, в нос сразу ударил сильный запах железа и сырой уличной воды.

Усадив Мику на стул, я стал хотя бы пытаться расспросить её о том, что с ней случилось. Её тяжёлый взгляд приподнялся из-под висящих волос, и в нём сразу считался почти животный ужас...

— Мика, что с тобой случилось?!

Боль нахлынула на неё сразу. После недолгих рыданий на её лице расплылась какая-то блаженная, предельно измотанная улыбка.

— Улисс, ты не представляешь, как я рада тебя видеть. Я... Я... Убила их, Улисс. Теперь мы сможем жить счаст-

ливо.

— ЧТО ТЫ СДЕЛАЛА?! КОГО ТЫ УБИЛА?!

— Ту мерзкую тварь... которая отняла её у нас... Да, ту, которая отняла... И вторую... которая помогала...

— ЗАЧЕМ, МИКА?! ТЫ ПОНИМАЕШЬ, ЧТО ТЫ СДЕЛАЛА?!

— Аха-ха, Уилисс, ты недоволен мной? Разве не этого ты желал?

— Желал?! Мика, да приди ты уже в себя!

— Нет, со мной всё хорошо... Это ты ведёшь себя странно... Или горечь уже прошла?

Опустив руки, я смог произнести лишь одно:

— Я разочарован в тебе, Мика...

После этих слов последовал дикий толчок в грудь, и я рухнул на пол, ударившись головой об угол стола. Из рассечённой раны на затылке сразу хлынула кровь, в глазах резко всё поплыло, и накатил животный ужас. Мика выхватила лежавший на столе кухонный нож и, упав колени мне на грудь, нанесла первый удар в живот.

— ЧТО Я ТЕБЕ СДЕЛАЛА, МРАЗЬ?! — После этого выкрика последовал второй удар. — Я ЛЮБЛЮ ТЕБЯ ТАК ЖЕ, КАК И ЛИЮ! А ТЫ, ЖИВОТНОЕ, ВЫТЕР ВСЕ НАШИ СТАРАНИЯ ОБ ПОЛ!

Ещё один удар, правее. Глазами я её уже не видел: дикая боль пронизывала и ослепляла. По щекам текли слёзы. Не пытаясь защищаться, рыдая и захлёбываясь, я лишь тянул

руки прямо к ней — как к сияющему солнцу.

— ТЫ, СКОТИНА, ПРЕДАЛ МЕНЯ! ВЫТЕР НОГИ! ТЕПЕРЬ ГОРИ В АДУ!

Следующий удар, за ним ещё один, и ещё один... Моя белая майка превратилась в кровавое решето, и я начал потихоньку захлёбываться собственной кровью.

— ТЕПЕРЬ НИ ТЫ, НИ КАКАЯ-ТО СЛУЖБА НЕ ОТНИМЕТЕ ТО, ЧТО МНЕ ДОРОГО!

Мне показалось, что она рыдает сквозь этот безумный крик. Но я уже ничего не видел — темнота постепенно заменяла собой всё. Единственное, что я мог делать, — продолжать тянуть к ней руки. Я не надеялся, что она остановится... Мечтал лишь, чтобы она хотя бы обняла меня напоследок, потому что знал: я не выживу.

Нож вновь и вновь касался плоти, превращая всё в месиво. В моей угасающей голове возникли образы и видения, которые я так долго мечтал забыть. Печально умирать вот так: захлёбываясь слёзами и кровью, на чёртовом полу своего же дома...

Последнее, что я, наверное, вижу... Мика, мама, тот тёплый май пять лет назад... Неужели именно это я стремился забыть? Почему я этого не помнил, сколько ни пытался? И Лию, ещё маленькую, играющую с другими...

Всё. Я уплываю подальше отсюда. Все деревья, луга и поля ненавидят меня... Надеюсь, тебя увидят новые и яркие глаза. А пока... пусть меня заменит всё... Всё, что угодно.

— Привет, Рей!

— Здорово! Прикинь, какое дело поступило? Только что врачихи в ужасе прибежали.

— Из больницы рядом? — спросил солидный мужчина, вешая пиджак в шкафчик.

— В общем, поножовщина ночью была. Два подростка, по девятнадцать лет.

— Да ну! Рассказывай. Неужели дело тебе доверили?

— Ага! Криминалистическая группа в шоке прибежала!

— ответил Рей.

— Ого... Что же там такое произошло, что даже наших опытных старичков напугало?

— Парень весь в крови лежал. Наши судмедэксперты тридцать одно ножное насчитали! Говорят, таких ужасов ещё не видели.

— Ничего себе... И кто бедолагу так порешил?

— Девка!

— Да ладно, чушь полная!

— Отвечаю! Парень в реанимации помер — пытались зашить, но куда там, слишком много крови потерял. А на кухне у него эта баба висела... в петле. У меня тут дело, блин, теперь. Говорят, соседи полицию вызвали, но уже поздно было. Тех патрульных, кстати, уже в отпуск сбагрили.

— А что с ними?

— От увиденного один в дурдом слёз, а второй больничный взял — дух перевести.

— Не завидую им... Хорошо, что я только из отпуска вернулся!

— Да там такое... Мне когда фото принесли, я думал сам уже отпуск брать! Ещё эксперт после вскрытия пришёл: а баба-то беременная оказалась! Третья неделя была.

— Вот страсть... И такое сделала?!

— Сам не знаю. Единственные свидетели — их соседи. Они на участке сидели, когда слышали крики и глухие удары.

— Ну слава богу, что вообще вызвали, а то на стариков пока запах не попрёт — никто внимания не обратит.

— Так ещё не всё! У нас тут несколько трупов нашли рядом с центром соцслужбы. Там всё ещё хуже, и, походу, это тоже её рук дело. Помнишь Машу Эндервальт, за которой пол-отдела бегало?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.